

— Ванэр говорила, что в главной комнате раньше жил хозяин, там самая тяжелая аура и духи не находят покоя, лучше туда не заходить, — Сюй Вэйвэй понизила голос, словно боясь потревожить что-то неведомое, и потянула Цзян Кая в обход главной комнаты к западному флигелю. В её голосе проскользнуло едва уловимое напряжение.

Дверь в западный флигель была приоткрыта. Петли издали неприятный скрип, похожий на предсмертный стон. Сюй Вэйвэй, подражая Су Ванэр, осторожно просунула руку в щель. Навстречу им пахло тяжелым, густым запахом плесени, пыли и чем-то невыразимым, напоминающим смрад старого гроба. Оба закашлялись так сильно, что на глазах выступили слезы.

— Кхе-кхе... Кажется... ничего особенного, — Сюй Вэйвэй помахала рукой перед лицом, пытаясь сохранить самообладание, и направила луч фонарика внутрь. Комната была пуста, лишь в углу высилась куча рваных мешков и гнилых досок, а тени на краях светового пятна шевелились, словно там кто-то прятался.

Цзян Кай тоже выдохнул, его натянутые нервы немного расслабились. Однако, когда луч фонаря случайно скользнул по покрытому толстым слоем пыли полу в центре комнаты, его зрачки сузились до размеров игольного ушка! Кровь в жилах, казалось, застыла!

На сером, многолетнем слое пыли отчетливо отпечатались следы! Маленькие, изящные — это были следы женской обуви на подошве лотоса! Носки туфель указывали направление к лунной арке, ведущей во внутренний дворик. Эти следы... они никак не могли принадлежать им или Су Ванэр! По тому, как они лежали на пыли, было ясно: они выглядели пугающе свежими, будто кто-то только что прошел здесь!

— Вэ... Вэйвэй! Посмотри! — голос Цзян Кая сорвался на визг, он намертво вцепился в руку Сюй Вэйвэй, его пальцы сжались, как железные клещи.

Сюй Вэйвэй тоже увидела следы. Напускная храбрость мгновенно испарилась, сменившись леденящим ужасом:

— Это... что это... — её голос дрожал.

И в этот момент —

Откуда-то из дворика за лунной аркой донеслись пронзительные, тоскливые звуки суоны! Они возникли внезапно, словно призрачные, прерывистые и фальшивые. Звук был острым, искаженным, будто костью скребли по ржавому железу. В мертвой тишине древней усадьбы это звучало до жути пугающе. Казалось, звук шел отовсюду сразу, будто сам дом издавал этот нечеловеческий плач!

— У... у-у... хо-хо...

Следом за суоной слышался низкий женский плач. Он был полон такой невыносимой скорби и застарелой обиды, что проникал в уши, как холодная гадюка, обвивая барабанные перепонки и вгрызаясь в самый мозг. В плач вплеталось невнятное бормотание, похожее на скрежет ногтей по дереву — разобрать слова было невозможно, но от них стыла кровь!

— А-а! — Сюй Вэйвэй в ужасе закричала, выронив телефон. Тот с грохотом ударился о землю и погас — последний источник искусственного света исчез. Тьма нахлынула, подобно приливу!

Цзян Кай, обезумев от страха, беспорядочно водил фонариком по сторонам:

— Кто?! Кто там?! Выходи! — кричал он, срываясь на рыдания.

Ответа не было. Только тоскливая суона, злобный плач и бормотание эхом отдавались в абсолютной темноте. Казалось, тысячи невидимых глаз наблюдают за ними, насмехаясь над их страхом.

— Уходим! Быстрее! Убираемся отсюда! — инстинкт самосохранения взял верх над всем остальным. Цзян Кай схватил Сюй Вэйвэй за ледяное запястье и бросился к выходу.

Но едва они пробежали пару шагов, луч фонаря выхватил из темноты проход в воротах, ведущих во внешний двор. Оба замерли, словно пригвожденные невидимыми ледяными иглами. Сердца колотились так, что готовы были разорваться!

В проеме ворот, словно входа в преисподнюю, беззвучно стояли две паланкина!

Один — ослепительно красный, цвета свежей, еще не запекшейся крови. Занавески были плотно закрыты, но сам паланкин едва заметно покачивался, словно внутри кто-то отчаянно боролся.

Второй — мертвенно-бледный, цвета савана. Он стоял неподвижно, излучая холод, более глубокий, чем сама тьма.

Красный и белый. Движение и покой. Они перекрыли единственный путь к отступлению. Паланкины не имели украшений, но от них веяло такой древней гнилью, будто их принесли прямоком из загробного мира!

— Красно-белые призраки?! — в голове Цзян Кая всплыли самые страшные легенды, о которых шепотом рассказывали старики. Говорили, что это самый злой вид призрачной свадьбы: живым подходить нельзя, увидишь — умрешь!

— А-а-а!!! — Сюй Вэйвэй закричала и рухнула на землю, её ноги отнялись от ужаса.

В этот момент занавеска красного паланкина сама собой приоткрылась. Бледная, словно труп,

рука с ярко-алыми ногтями медленно и неестественно вытянулась наружу. Длинные пальцы с острыми ногтями указали прямо на парализованную Сюй Вэйвэй!

— Хи-хи-хи... — ледяной, тонкий смех, похожий на скрежет лезвия по стеклу, прозвучал прямо у них в головах.

Сюй Вэйвэй вдруг перестала кричать, словно кто-то невидимый сжал её горло. Её взгляд стал пустым, лицо — безжизненной маской. Словно марионетка на ниточках, она поднялась и, шатаясь, двинулась к кроваво-красному паланкину.

— Вэйвэй! Нет! Вернись! — Цзян Кай, обезумев, бросился к ней, пытаясь ухватить за край одежды.

Но в ту же секунду занавеска белого паланкина дрогнула. Ледяной порыв ветра, несущий запах разложения и отчаяния, ударил в лицо, сбивая с ног.

— А-ах! — Цзян Кай почувствовал, как невидимый молот ударил его в грудь. Холод пронзил все тело, добираясь до самого сердца. Он уже приготовился к смерти, но вдруг висевший на шее нефритовый Будда, купленный родителями в храме, стал нестерпимо горячим! Тепло хлынуло из него, как маленький очаг, оттесняя смертельный холод преисподней.

— Кха! — Цзян Кай отлетел назад и тяжело рухнул на землю. Фонарь вылетел из рук и погас. Мир погрузился в абсолютную тьму.

В последнее мгновение он увидел, как бледная рука легко втянула Сюй Вэйвэй в красный паланкин. Занавеска опустилась, поглотив последнюю надежду.

Затем паланкины — и красный, и белый — растворились в темноте, словно их никогда и не было. Исчезли суона, плач и смех.

Цзян Кай остался сидеть на ледяной земле, тяжело дыша. Вдалеке фонарь мигнул в последний раз и окончательно потух. Мертвая тишина окутала усадьбу.

Он знал — это не сон. Вэйвэй забрали. Обжигающий нефрит на груди и ледяной ужас в душе кричали об одном: это была реальность.

Охваченный безумным страхом, он, как побитая собака, ползком и бегом рванул к выходу. Когда вдали показались тусклые огни шоссе, он рухнул на землю, рыдая и дрожа. Он хотел позвонить в полицию, но из горла вырывался лишь хрип. Что он скажет? Что его девушку похитил призрак? Он вспомнил пост на форуме, который видел когда-то — некий Юэцзяньгуань предлагал услуги по проведению обрядов. Дрожащими руками он набрал номер...

(Конец воспоминаний)

— ...Даос! Вот как все было! Вэйвэй забрали призраки! — Цзян Кай закончил рассказ, его лицо было блее мела, а тело все еще мелко дрожало. — Я сразу позвонил вам! Умоляю, спасите её! Любые деньги!

В саду воцарилась тишина. Чжао Маньтан слушал с открытым ртом, растирая мурашки на руках. Лю Хэшань и Чжан Шоуцзин выглядели крайне сурово. Красно-белые призраки — это не пустяк!

Чи Сяньчуань, прислонившись к колонне галереи, задумчиво потирал подбородок. Его глаза ярко блестели, словно он нашел нечто крайне интересное. Он не стал сразу отвечать на мольбы Цзян Кая, погрузившись в раздумья.

Су Ванэр... Опять она. Стримы, фанаты, ищущие приключения, и внезапные Красно-белые призраки? Совпадение? Или чей-то умысел? А те свежие следы в комнате... принадлежали они Су Ванэр или чему-то другому?

Он вспомнил дело Ли Гоэр. Была ли эта Сюй Вэйвэй тоже выбрана как жертва?

Уголки губ Чи Сяньчуаня дрогнули в загадочной улыбке. В его взгляде больше не было лени, лишь острота охотника, нашедшего добычу. Он посмотрел на убитого горем Цзян Кая:

— О? Деньги принес?

Цзян Кай опешил и закивал:

— Да... принес! Моя семья не бедная, даос, сколько нужно — всё отдам!

Чи Сяньчуань лениво потянулся, словно его прежняя серьезность была лишь игрой:

— У нас фиксированные цены. Ни больше, ни меньше. — Он кивнул на Чжао Маньтана. — Спроси у Маньтана, сколько с тебя причитается. Завтра вечером, — он сделал паузу, — я пойду с тобой в эту усадьбу.

Сказав это, он, не обращая внимания на ошарашенного Цзян Кая и бормочущего что-то про расходы на бензин и амулеты Чжао Маньтана, напевая под нос песенку про заработок на жизнь, не спеша направился во внутренний двор.

Цзян Кай смотрел на его удаляющуюся спину и чувствовал, как надежда сменяется тревогой. Сможет ли этот, на первый взгляд, крайне несерьезный человек спасти Вэйвэй? Его сердце опустилось на самое дно.